

**Отзыв оппонента о диссертации
Тамразовой Илоны Геннадьевны**

**«Эристика как когнитивно-семиотическая модель девиантной
дискурсивной риторики», представленной на соискание ученой степени
доктора филологических наук по специальности 10.02.19 – теория языка**

В своем программном устремлении приблизиться к реальности языка, современная лингвистика выходит на выделение и осмысление предметов познания в их нелинейной, сложной, противоречивой, полифоничной природе, в динамике их деятельной феноменологии, что требует новых теоретических и методологических решений путем переосмысления и интеграции накопленного знания. Антропологический и когнитивно-коммуникативный поворот в лингвистике ориентируют поиск решений в данном направлении. Диссертация Илоны Геннадьевны Тамразовой, посвященная исследованию феномена эристической агональности и речезыковой трансгрессии на материале разных языков и культур и обоснованию эристики как речезыковой и культурологической универсалии в её этнолингвистических реализациях, вписывается в данную перспективу. Работа выполнена в русле дискурсивной риторики в сопоставлении универсальных и идиоэтнических особенностей реализации речевой агональности и языковой трансгрессии.

Актуальность темы исследования обусловлена усилением фактора конфронтации в современной социодинамике, влияющей на семиотическое взаимодействие языка, культуры и общества, возрастающим интересом к проявлениям конфликтной социальной интеракции и девиантной коммуникации, а также необходимостью разработки лингвистической теории агональности как детерминанты критического мышления и самовыражения, что особенно важно с точки зрения «медийных расширений» современного человека (М.Маклюэн), «власти дискурса» и востребованности критического мышления для homo lingualis. Исследователь ставит перед собой весомые задачи обогащения знания о феномене эристики на основе когнитивно-семиотического подхода, выявляющего взаимосвязь мышления и интенциональности с эристическим семиозисом. Очерчивание проблемной эпистемологической ситуации в сфере дискурсивной риторики, эристики, эристического дискурса, постановка проблемы, определенные диссертантом цель и задачи, предлагаемое их решение, в том числе тщательно разработанная методология и моделирование полученного знания также свидетельствуют об **актуальности данного исследования.**

Работа состоит из Введения, 5 глав и Заключения. Достижению своей исследовательской цели автор предпосылает главу 1 (с. 27-94), в которой раскрывается риторическая сущность эристики и её концептуализация в античной философии, философское воплощение эристической эвристики в работах А. Шопенгауэра, Ф. Ницше и философии постструктурализма и закладывается обоснование исследовательской гипотезы автора. Методологические предпосылки исследования показывают, что на современном витке лингвистического антропоцентризма с позиций современной философии, логики, лингвистики эристика как модальность риторического воздействия и модус риторики выявляет характер универсалий на уровне интеракции. Диалектика, софистика и эристика, триединая «техника разума», находятся между собой в категориально-логическом пересечении, имеют общее сущностное основание – противоречие – как эвристический феномен, выраженный в агональности. Эристическое начало заложено в природе феноменологии языка как дискурса и природе диалогической социально-речевой интеракции и имеет не только антагонистические, но и конструктивные характеристики: философскую рефлексию (обращение к собственной идентичности); эвристическую спонтанность (конструирование новых смыслов, пересмотр готовых стереотипов и клише); интеллектуальную свободу (выражение скептицизма по отношению к принятым нормам); относительность знания (понимание как интерпретация), стремление к доминированию в рассуждении и аргументации; лингвопрагматический релятивизм; эпистемическую бдительность; образность и эстетическую фасцинацию, экстериоризацию социокультурной напряженности. Важным выводом является возможность и необходимость анализа эристики в трех ипостасях, обозначаемых как эристика-1, эристика -2, эристика 3, что создаёт оптимальный методологический инструментарий для реализации исследования. Важно отметить черты полемического стиля авторской аргументации в духе эвристического дискурса, проявляющегося в вопрошании, критическом сопоставлении, что показывает теоретическую эрудицию и убежденность автора. Глава 2 (с. 95–161) посвящена очерчиванию и системному рассмотрению функционального поля эристики: от ядерного концептуального пространства спора до размытой трансжанровой периферии, объединяемой онтологической и психолингвистической категорией агональности, которая дифференцируется в динамическом соотношении категорий эристики и речевой агрессии. Автор исходит из того, что исконной функцией эристики как «искусства интеллектуального фехтования», её первичной функциональной средой является лингво-

дискурсивный феномен СПОРА (контroversии) и производные от него жанры речевого взаимодействия. Устанавливается, что функционально-семантический диапазон манифестаций эристического в речи представляется как когнитивно-интенциональная и речеповеденческая структура, характеризующаяся уровневой организацией и определенной таксономией слотов и единиц. Верхний уровень структуры эристики представлен коррелирующими между собой категориями *речевого противоречия, когнитивного диссонанса / конфликта, речевой трансгрессии, которые* находят отражение в совокупности дискурсивных жанров, таких как *спор, диспут, дискуссия, ссора, полемика*. Характерными для эристической речи являются речевые акты и стратегии *укора, протеста*. Концептуализация эристического речевого взаимодействия возможна на основаниях: телеологическом, когнитивно-метафорическом; когнитивно-модульном, рассматривающем эристические манифестации как когнитивный модуль интеллекта, ответственный за *эпистемическую бдительность*; когнитивно-эмоциональном, представляющем проявления эристического как функцию эмоционального интеллекта субъектов речевого взаимодействия, проявляющейся в ментальном критическом релятивизме. Два полюса Эристики – людическая эристика и персональные атаки *ad hominem*, граничащие с агрессией, – заключают между собой пространство «политичного» – социально приемлемого, ситуативно варьируемого вежливо-невежливого поведения, характеризующегося определенным речеповеденческим регистром – нарушением «нулевой степени» речезыковых норм. В данном диапазоне стратегии приобретают особые перспективы: эгоцентризм и пренебрежение интересами партнера; экспатия, патернализм, априорное отрицание, активное неприятие; вызов (угроза «позитивному лицу» адресата), ёрничанье, с одной стороны, и дружеский подтрунивание, пикировка, юмор – с другой. Выявляются механизмы людической эристики. Доказывается, что функциональное поле Эристики располагается по градуальной шкале между эмпатией и вербальной агрессией, к которой эристика стремится как к своему пределу. Доказательности изложения способствует целенаправленное моделирование, в том числе в виде схематизации, стягивания материала к главным показателям в сравнительных таблицах. Глава создаёт логический переход к кросс-культурному измерению в анализе эристики и построению концепции эристической дискурсивной риторики. Глава 3 (с.162-267) занимает центральную позицию в обосновании структурно-функциональной концепции дискурсивной риторики и её раздела – агональной (эристической) риторики, фундируемой категорией эристической дискурсивной тональности

и структурной иерархией элементов её базовой интеракциональной и текстуальной единицы – эристемы. В обосновании концепции полностью воплощается метод дискурсивной интеракциональной когнитивной семиотики, который базируется на идее выявления в дискурсе семиотических единиц, гносеологически более ёмких, чем обычные уровневые единицы языка, так как к их семантике, синтактике и прагматике добавляется интеракционально-дискурсивная составляющая. Устанавливаются принципы построения теоретической модели эристики как отрасли **дискурсивной риторики**, включающей эристику как область исследования ненормативных (девиантных) форм коммуникации: 1) *принцип структурного релятивизма* и 2) *принцип речезыкового реализма*. Обоснованность такого подхода основывается на принципе речезыкового реализма в когнитивной «узуальной модели языка»: когнитивно-узуальном подходе к *риторическим структурам* как ментальным репрезентациям *отражаемого в сознании мира* в их языковой (семиотической) репрезентации. Риторико-прагматическая составляющая интегрирована в смысловое пространство коммуникации, проявляя этологические пресуппозиции (этос), логику аргументативных отношений (логос) и целенаправленное использование речезыковых форм (пафос) как составляющие коммуникативного контекста, образующего *интегральный смысл высказывания* (текста, дискурса) «здесь и сейчас». При эмерджентном взгляде на аргументацию *аргументативно-персуазивная структура* рассматривается на основе фактического использования языка как конвенционализация повторяющихся моделей использования. Исследование *эристического процесса* направлено на эристические персуазивные элементы и конструкции, которые приходят в определенные аргументативные контексты для выполнения аргументативных функций. Дискурсивная тональность является одной из главных категорий и, соответственно, предметом *дискурсивной риторики*.

Выделение эристической тональности позволяет ввести в риторические структуры текста отношение **ВЫЗОВ**, передающее механизмы прагматической дизъюнкции, интерперсональной эристики *ad hominem*, речезыковую трансгрессию (остранение).

За единицу анализа эристического дискурса принимается эристема – дискурсивно-интенциональный «квант» семиогенеза, единица (фрагмент) эристического дискурса. Эристема актуализируется в уровневой организации речи (текста, высказывания) на *до-номинативном, номинативном, предикативно-речеактовом, прагматическом* уровнях. Эристема синкретично реализуется полимодульно: в *пропозициональном, интенционально-иллюктивном, интерперсональном, аргументативном,*

структурно-дискурсивном модулях. В прикладном плане важно, что основе прагмасемантической разметки возможен машинный анализ эристической тональности текста/дискурса.

Глава 4 (с. 268-333) посвящена практическому исследованию политической эристики в плане сопоставления ее проявлений в разных лингвокультурах. Уточняется, что эристический этос проявляется в когнитивном стиле эмоционального интеллекта, отражающем критический релятивизм в мышлении и стремление заострять решение проблемы методом *reductio ad absurdum*. Делокутивный имидж в дискурсе становится «симулякром» личностного имиджа. Речевой этос представляется как ингерентный имидж, интенционально формируемый самим говорящим, и адгерентный имидж – отражающий общественное мнение о делокутивном имидже медийного персонажа. В итоге, персональный политический концепт, актуализируемый именем конкретного политика, амбивалентен, формируется в результате адгерентной ad-hoc концептуализации, закрепляется в адгерентном имидже через неконвенциональный нейминг, малапропизмы. На материале французского политического дискурса устанавливается, что характерной чертой дискурсивной личности политика являются персональные окказионализмы, входящие в узус в виде политических неологизмов - инноваций. Полиmodalность эристики выявляется на уровне жестовой кванто-эристы, имеющей конвенциональную кодификацию эмблематических и процессуально-кинетических жестов во французском речевом узусе. Выделяются типы жестовой эристы: по типу модальности, по степени экспрессивности, по функциональной семантике.

Доказывается, что эристический логос политических дебатов формируется из нескольких доминирующих страгем-эристы: делокутивной эристы, эристы косвенного обвинения, пропозициональной косвенной эристы, эристы прямого обвинения, перекрестной интерперсональной эристы, иронической эристы, подмена пресуппозиций.

Глава 5 (с. 334-407) представляет результаты анализа функционирования эристики в художественном тексте и переводе. Отмечается, что фикциальная эристика особенно явно проявляется в ходе анализа языка Ф. Рабле (у М.М. Бахтина), А. Платонова (у Т.Б. Радбиль), Дж. Джойса (у Н.Г. Горбуновой) и мн. других авторов. Эристическая языковая личность вымышленного персонажа проявляется как фабульный конструкт автора на уровне макроэристы и как квазиреальная коммуникативная

(дискурсивная) личность на уровне монологической и диалогической речи. Анализ американского сериала «House, MD» позволил выявить несколько характерных черт эристического речевого поведения телеперсонажа д-ра Хауса, в том числе: макро-, микро- и мезо- метаэристымы, фразоидные эристымы – «хаусизмы». Художественная эристика проявляется как вызов художественно-литературным канонам в приёме «остранения» и языковой трансгрессии. В этом плане выводятся несколько важных положений в аспекте перевода. *Эристика* в литературном переводе – это перевод *аномальной формы оригинала* посредством *аномальной формы перевода*: либо формы плана выражения (оказионализмы, игра слов), либо формы плана содержания (парадокс, нонсенс, смысловой сдвиг). Эристичным может быть сам процесс интерпретации и перевода, когда языковой посредник намеренно искажает исходные форму и/или содержания текста оригинала. В переводах проявляется этноязыковая вариативность средств выражения «эристического в речи», этокультурологическая асимметрия в передаче эристической тональности, приводящая к асимметрии в выражении в переводном тексте микро- и мезоэристым, таких как *интертекстуальность иронии, коллоквиальность номинаций и речевых клише, эристических субстандартных проявлений в речи* фикциональных персонажей: градация (театральность), макароническая речь (ксенизмы), асимметрия в интенсивности эристической тональности и искажение речевого портрета фикционального персонажа по параметрам эристичности.

Делается важный вывод, что проблема принятия переводческого решения многократно возрастает с уменьшением семантических реперных точек, лежащих в основе концептуального соотношения образа оригинала и образа перевода. Это происходит при повышенной лакуарности текста оригинала. Методом ретроспективного *blackbox*-анализа выявляется внутренняя мотивация русских переводчиков романов Фредерика Дара (Сан-Антонио). В результате контрастивного анализа текстов переводов и интервьюирования авторов переводов выводятся механизмы выявления и координации «эристического в речи» автора и переводчика, определяется роль интуитивной и рефлексивной инференций в принятии переводческого решения.

К значимым результатам работы и условием её доказательности следует отнести обширную эмпирическую базу – корпус объёмом более 15000 релевантных контекстов, зафиксированных в трех медийных форматах: вербальных (скрипты) и полимодальных транскрипциях видеозаписей политических интеракций; транскрипций и видеоряда

телесериала, параллельный корпус по произведениям французской и русской художественной литературы в их коррелятивных переводах.

Полученные результаты находят свое подробное освещение в выводах и в заключении к работе, в котором автор суммирует полученное знание и представление о том, в каких областях применима разработанная концепция и методология. Эти выводы и результаты весьма ценны и содержательны, они определяют научную новизну, теоретическую и практическую значимость представленной работы.

Новизна научных положений, выводов и рекомендаций по использованию диссертационного исследования не вызывает сомнений, поскольку разрабатывается *новая когнитивно-семиотическая модель эристики, открывающая новое направление в теории языка: девиантной дискурсивной риторики*. Впервые на уровне трансдисциплинарного знания обосновывается статус эристики как категориальной универсалии в её деконструктивных и конструктивных признаках и этнокультурной вариативности; впервые определяется коммуникативная интеракциональная феноменология эристики; впервые предлагается порождающая модель эвристического в речи, включающая его структуру и единицу семиотизации, эмергентную природу эристического процесса и его характерологический вид. В лингвистическую теорию вводится системное знание об эристической речи как функционального кластера дискурсивной риторики и эристического отношения как составляющей риторической структуры дискурса. Впервые эристика тематизируется как модальность (тональность) риторического воздействия, базирующаяся на когнитивно-риторическом отношении «вызов». Впервые представлена структура эристической дискурсивной тональности с разработанной типологией эристических разноуровневых и поликодовых (в том числе жестовых) единиц (эристеи). Впервые решается проблема трансгрессивной интенции говорящего, направленной на нарушение норм речевой интеракции, в связи с его дискурсивной идентичностью. Разработаны принципы прагмасемантической записи для фиксации и обработки (анализа) эристической дискурсивной тональности в разножанровых текстах. Впервые на материале русского, французского и английского языков смоделирован способ экспликации социокультурных эристических контекстов в виде иерархически структурированной модели эристической тональности, описана его специфика. В работе внедрены и обоснованы новые методолого-теоретические категории, понятия и термины, такие как дискурсивная риторика, эристический дискурс; эристическая тональность; эристема – единица эристического дискурса, делокутивная эристема, риторическое отношение «вызов» и другие.

Теоретическая значимость исследования Тамразовой И.Г. определяется её существенным вкладом в изучение теоретических проблем семиотического взаимодействия языка, человека, общества, культуры, дискурсивной лингвистики, теории коммуникации, теории речевого воздействия, теории аргументации, жанристики, прагмалингвистики, используемых при обосновании и анализе лингвистического и культурологического статуса феномена эристики. Выдвижение концепции дискурсивной риторики с эристической доминантой, в частности, риторики речеповеденческих и речезыковых девиаций и структурирование на основе когнитивно-семиотического подхода системной модели эристической дискурсивной тональности, дают возможность подойти к разработке оснований и методологии девиантной семиотики и в дальнейшем исследовать ее различные параметры на материале различных лингвокультур. В методологию анализа институционального и художественного дискурсов вносится когнитивная перспектива дискурсивно-риторического метода. Осуществлено иерархическое структурное проектирование эристической дискурсивной тональности; внедрен в конструирование аргументативных схем динамический анализ прагма-риторических девиаций, а также создана модель прагмасемантической записи структуры и динамики эристической тональности полижанрового текста-дискурса. Заложенные в работе положения способствуют развитию лингвистических исследований на основе принципа и методологии речезыкового реализма.

Практическая значимость исследования обусловлена широкими перспективами ее применения в фундаментальных исследованиях и прикладных проектах, в образовательной деятельности, в курсах по общему языкознанию, семиотике коммуникации, теории текста и дискурса, а также при разработке курсов риторики и стилистики. Сопоставительной материал и результаты анализа можно использовать в дальнейшем исследовании когнитивно-семиотических агональных форм в разных языках, в типологических и характерологических исследованиях речевого агонального (эристического) общения в конфронтационном и людическом диапазоне с выявлением коррелятивных средств выражения, типологии английского, французского и русского языков, коммуникативной грамматики. Дидактическая значимость исследования состоит в возможности применения результатов исследования в развитии навыков и техник критического мышления и эристической компетенции – развитию ораторского искусства и методологии убеждающего воздействия.

Опора на фундаментальные и современные труды по исследуемой тематике, насыщенная теоретическая база исследования, комплексный анализ

обширной эмпирической базы, системность и эвристичность мышления исследователя позволили И.Г.Тамразовой решить поставленные задачи и достичь цели исследования.

Качественная апробация работы (64 публикации, в том числе 2 монографии, 19 статей в изданиях, рекомендованных ВАК) и автореферат полностью отражают содержание диссертационного исследования.

Вопросы и замечания, возникшие при чтении работы, носят дискуссионный характер и сводятся к следующему.

1. Не совсем ясен состав аспектов, составляющих триединую перспективу репрезентации эристики и «эристического в речи» в междисциплинарном гуманитарном знании, исходя из текстов диссертации и автореферата. Идет ли речь (стр. 3 автореферата) об 1) агональной составляющей софистической риторики; 2) особом способе мышления и рассуждения; 3) технике победы в споре порицаемыми средствами? Ниже в тексте автореферата (там же) речь идет о триедином потенциале эристики и «эристического в речи» как 1) особой антропологической – философской, психологической и интеракциональной категории, 2) как проявления особого когнитивного стиля, 3) речевой тональности и 4) особой речевой компетенции. Или речь идет, как это изложено в диссертации, об аспектах: 1) историко-риторическом (приёмы ведения спора, полемики), 2) философско-культурологическом (особенности активно-критического восприятия действительности в определённых общественно-значимых коммуникативных практиках), 3) дискурсивно-прагматическом (различные виды речевого воздействия, характеризующиеся конфронтацией)? Как соотносятся данные способы представления триединства (четырёхединства)? Что точнее и почему для автора диссертации? Каким образом данные аспекты синкретизируют объект исследования посредством именно квалификатора «**девиантная**» в интегральной модели, дополняющей существующие представления на основе когнитивно-семиотического подхода, выявляющего взаимосвязь мышления и интенциональности с эристическим семиозисом?
2. В созданной модели ясно просматриваются онтологический, феноменологический, гносеологический аспекты. Присутствует также телеологический аспект. При этом антропологическая сущность рассматриваемого феномена с необходимостью должна выводиться и на аксиологическое измерение. Такие аспекты модели, как «девиантность», антагонистические и конструктивные характеристики,

«отношение вызова», «неконвенциональность», помимо её реализации как искусства «интеллектуального фехтования», требуют объяснения и с точки зрения ценностного сознания интерпретатора, в частности, целевой предназначенности эристического дискурса, вклада эристического в динамику ценностей, что особенно важно в переломные моменты цивилизационных сдвигов на фоне дискуссии о формировании «новых нормальностей», о морально-нравственных границах «дозволенности», о стратегиях (технологиях) управления конфликтогенными ситуациями, о роли медийного пространства в конструировании социальных смыслов «общего интереса» (М. Анжно). Не может ли привести превалирование девиантной риторической модели к новой «тотальности», мифологизированной картине мира?

3. При изучении этнокогнитивной вариативности эристического как универсалии, репрезентативным является выбор автором языкового материала. В этой связи возникает вопрос о связи эристического, культуры эристического и с ведущими категориями культуры или концептами национальной концептосферы. Ответ кажется очевидным по отношению, например, к французской лингвокультуре, в которой выделяется концепт *esprit français*; по отношению к американской лингвокультуре, в которой особенно значимым является концепт «self-reliance». Насколько это закономерно? Или распространение эристической модели интеракции, усиление критического мышления, «эпистемической бдительности» начинает превалировать в современном мире в целом?
4. В работе четко представлена внутренняя парадигма термина, единицы анализа – эристеми. Системный анализ требует и проекции на внешнюю парадигму данного термина. Что её может составлять? Эмпатическая тональность предполагает «эмпатему»? Крайне агрессивная тональность предполагает «агрессему»? И так далее. Как могут соотноситься данные единицы в дискурсе? По отношению доминирования? Взаимоисключения? Дополнительности?
5. Автор не упоминает в ряду эристических жанров во французской лингвокультуре *la raillerie*. Чем это объясняется?

Заданные вопросы не влияют на высокую оценку диссертации, которая представляет собой глубокое, аргументированное, продуктивное исследование. Диссертация полностью соответствует требованиям, предъявляемым к диссертациям на соискание ученой степени доктора наук (п. 9-14 «Положения о присуждении ученых степеней», утвержденного постановлением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013

г., № 842), а ее автор, Тамразова Илона Геннадьевна, заслуживает присуждения ей искомой ученой степени доктора филологических наук по специальности 10. 02. 19 – теория языка.

Доктор филологических наук,
профессор, профессор кафедры
романо-германской филологии
Института филологии, иностранных языков и медиакоммуникации
федерального государственного бюджетного
образовательного учреждения
высшего образования
«Иркутский государственный университет»
(ФГБОУ ВО «ИГУ»)
Министерство науки и высшего образования Российской Федерации

Почтовый адрес: 664003, Сибирский федеральный округ, Иркутская область,
г. Иркутск, ул. Карла Маркса, д. 1

Контактный телефон: +7 (3952) 521-900

E-mail: rector@isu.ru

Web-сайт организации: <https://isu.ru/ru/index.html>

Шифр и наименование специальности оппонента: 10.02.05 – романские
языки

Евгения Федоровна Серебренникова

*Отзыв д. ф. н., профессора
Е. Ф. Серебренниковой заверяю:*

Серебренникова
04.10.21

Исполн. секретарь ФГБОУ ВО «ИГУ»

